

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Борис ВАЙЛЬ

ПОПУТЧИКИ СОЮЗНИКОВ

Я.В. Леонтьев. «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. Москва: АИРО-XXI, 2007. 328 с.

Когда говорят, что в октябре 1917 г. победили большевики, то это не вся правда. Правда заключается в том, что эта революция была в равной степени и победой левых эсеров (ПЛСР) и анархистов. Анархисты, правда, в силу своих анархистских идей, в правительство не входили, а вот ПЛСР получило во втором составе ленинского Совнаркома ряд важных портфелей – в частности, наркомат юстиции. Левые эсеры считали, что это они в наибольшей степени выражают дух Октябрьской революции, что это не они союзники большевиков, а, наоборот, большевики – их союзники, и притом, до поры – до времени.

Признанный лидер ПЛСР Мария Спиридонова говорила с трибуны учредительного съезда этой партии (ноябрь 1917 г.): «За большевиками идут массы, но это временное явление. А временное потому, что там нет воодушевления, религиозного энтузиазма. Там все дышит ненавистью, озлоблением. Эти чувства [...] хороши во время ожесточенной борьбы и баррикад. Но во второй стадии борьбы, когда нужна органическая работа, [...] тогда большевики и обанкротятся». Вообще, надо отметить, что левым эсерам была присуща некая экзальтация и даже истеричность. Как и большевики, они призывали к мировой революции.

Один из немногих молодых историков, занимающихся ПЛСР, Ярослав Леонтьев определил однажды эту партию как «партию революционной эсхатологии».

Понемногу воссоздается история этой партии, и разыскания историка-архивиста по профессии Я. Леонтьева являются центральными в этой работе (см. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917-1925. В 3 томах. М.:РОССПЭН, 2000; где он является составителем, автором комментариев и одним из редакторов. Вышел пока только первый том). Нынешняя книга Я. Леонтьева – как это видно из ее названия – посвящена в равной мере как истории партии, так и «эстетическому» окружению левых эсеров – их попутчикам.

«Скифы» – так называлось литературное объединение, выпустившее в 1917-1918 гг. два сборника под одноименным названием. Своеобразным поэтическим манифестом «скифской» группы можно считать хрестоматийное стихотворение А. Блока. Идеологом «скифов» был Р. В. Иванов-Разумник. Кроме Блока, к «скифам» можно отнести Ольгу Форш, Сергея Есенина, Н. Клюева, П. Орешина, Андрея Белого, К. Эрберга; из художников – Петрова-Водкина. К «скифам» были близки О. Мандельштам и Б. Пастернак, Е. Замятин и М. Пришвин.

Как пишет Я. Леонтьев, «четкое определение “скифства” еще не устоялось». Бердяев, например, писал: «Скифская идеология народилась у нас во время революции. Она явилась формой одержимости революционной стихией людей, способных к поэтизированию и мистифицированию этой стихии... Современные скифы поют гимны не сверхкультурному, а докультурному состоянию... В России скифская идеология есть своего рода языческий национализм».

«Скифов» можно считать предшественниками «евразийцев», и в этой связи Я. Леонтьев упоминает также и современного последователя «евразийства» А. Дугина.

Кроме сборников, «скифы» были движущей силой в создании «Вольфилы» («Вольной философской ассоциации»).

Я. Леонтьев обработал колоссальный материал не только опубликованных источников, но и архивных, в том числе и местных архивов, и архивов ФСБ. В данной книге сотни и сотни имен,

а личные связи левых эсеров с писателями, поэтами и издателями прослежены иногда документально буквально по дням (напр., в главе «Записные книжки Блока 1918-1919 гг. как источник по истории «скифства»»). В книге приведена телеграмма Центрального Оргбюро ПЛСР, оглашенная на вечере памяти Блока 28 августа 1921 года: «Партия гордится, что поэт-революционер навсегда связал свою бессмертную судьбу с исканиями и страданиями левого народничества за освобождение человеческого духа».

Ни один исследователь той эпохи не пройдет мимо этой книги.

Однако, в ней, как кажется, недостает концептуального анализа «скифства» и идеологии ПЛСР в общем контексте идей Серебряного века.

Правда, во введении к книге Я. Леонтьев касается — но лишь касается — этой проблематики.

Там, например, говорится о «голгофском христианстве» (термин С. Гордона): «Революция для них — Голгофа: сквозь муки и страдания они провидят светлый образ Спасителя. Революцию они переживают мистически...».

Для «скифов» — и шире: для людей Серебряного века — революция была не только политическим или социальным событием. Еще до 1917 года они мистически предугадывали ее как некое духовное преображение человечества: как «новую землю и новое небо».

Пожалуй, некое преображение и произошло, но совсем не такое, о каком мечтали эти утописты...

СПРАВОЧНИКИ ПО ШПИОНАМ

А. Колпакиди, Д. Прохоров. Внешняя разведка России. СПб: Изд. дом «Нева»; М. Олма-Пресс, 2001 (серия: «Досье»). 512 с.

Вадим Абрамов. Евреи в КГБ. М.: Издатель Быстров, 2006 (серия: «Без грифа МИФЫ»). 507 с.

Олег Капчинский. Госбезопасность изнутри: национальный и социальный состав. М.: Яуза, Эксмо, 2005 (серия: «Лубянка: открытые архивы»). 383 с.

Изучая материалы, связанные с советско-датскими отношениями, в фондах Госархива Дании, я наткнулся на интересное дело.

В мае 1936 года в Швейцарии, в Женеве, где была штаб-квартира Лиги Наций, в полицию обратился кто-то из украинских эмигрантов. Он обнаружил, что за ним следят, притом что следила за ним не полиция, а некий иностранец. По швейцарским законам иностранцы не имеют права вести в стране частный сыск. Полиция стала следить за тем, кто следил за украинцем. Выяснилось, что тот по паспорту датчанин. Когда же полиция подослала к нему человека, говорящего по-датски, то оказалось, что «датчанин» по-датски вовсе и не говорит. Еще до этого швейцарская полиция запросила датскую насчет проверки паспортных данных этого «датчанина». Датская полиция запросила полицию городка, где тот, согласно его паспортным данным, родился. Но человек с таким именем и фамилией в данном городке никогда не рождался. Однако паспорт его не был полностью фальшивым: он был официально выдан датским консульством в Риме. Запросили римскую полицию, нашли человека, выдавшего датский паспорт уже арестованному в Швейцарии «лжедатчанину». Человек, выдавший паспорт в датском консульстве в Риме, датчанин, работал в нем недолго и в данный момент там уже не служил. На вопрос, почему он выдал фальшивый паспорт, тот ответил, что, мол, к нему обратился некий бизнесмен-иностранец, попросил датский паспорт, «я ему и выдал таковой, но за это денег я не взял, т. к. просто думал, что этот бизнесмен мне поможет в моем бизнесе». «И вы его после этого видели? Он вам помог в Вашем бизнесе?» — спросила полиция. «Нет, не видел». (Как говорят по-русски: «на дурака рассказ»). Бывший консульский работник не понес никакого наказания.

Арестованный в Женеве никаких показаний не давал — просто молчал. И его истинную национальность полиция так и не установила, хотя имелись весьма серьезные основания полагать, что он был советским шпионом. Это было связано с тем, что в Швейцарии вообще-то опасались, что украинские националисты готовят покушение на наркоминдела М.М. Литвинова, приезжавшего

в Женеву на заседания Лиги Наций. Кто же, кроме швейцарской полиции, мог наблюдать за украинцами и их лидером Е. Коновальцем? Естественно, советские агенты.

Итак, неизвестного до суда выпустили из тюрьмы под залог в 10 тысяч франков, и он, разумеется, исчез. Его судили заочно и приговорили к 18 месяцев тюрьмы с последующей высылкой из страны. И в Дании, и в Швейцарии его подлинная фамилия так и осталась неизвестной. И вот теперь, когда издается много книг о советской разведке за рубежом, я и подумал, а не обнаружу ли я его среди советских «рыцарей плаща и кинжала»?

В книге «Внешняя разведка России» несколько сот биографий советских шпионов, но нет – как это бывает в некоторых других изданиях – географического указателя стран, где они действовали (если бы такой указатель был, то чего проще: найти Швейцарию, или Женеву, и все дела). Пришлось просматривать подряд всю книгу с самого начала, и на стр.246 я обнаружил биографию майора ГБ Ивана Николаевича Каминского (1896-1944?), в частности, такой пассаж: «В мае 1936 г. по поддельным документам прибыл в Швейцарию для разработки находящегося там лидера ОУН Е. Коновальца, 23 мая был арестован швейцарской полицией по обвинению в шпионаже, однако за недоказанностью 4 июля того же года выпущен на свободу. После возвращения в Москву назначен начальником 1-го отдела ИНО [ГУГБ НКВД]». Странно, конечно: агент задания не выполнил, провалился, возвращается назад и становится начальником отдела. Но, наверное, там не хватало людей...

(Замечу в скобках, что украинцы не убили Литвинова, зато через два года Е. Коновалец был убит чекистами в Роттердаме. Другой лидер ОУН – С. Бандера – был убит советскими агентами в 1959 г. в Мюнхене).

Данная книга – равно как и книга «Евреи в КГБ» – при всех своих недостатках – полезный справочник. Справочники невозможно читать как детектив «от корки до корки». Но если кого-то искать...

Существенная разница между книгами Колпакиди и Прохорова, с одной стороны, и Вадима Абрамова, с другой, в том, что в первом справочнике совершенно игнорируются агенты-перебежчики и невозвращенцы (тогда как в книге Абрамова они представлены). Колпакиди и Прохоров – в лучших советских традициях – видимо, считая эту категорию «предателями», предпочитают о них не упоминать (как это было с Троцким в Большой Советской Энциклопедии). Но ведь их книга называется «Внешняя разведка России», а не «Наши славные разведчики», и издана уже спустя 10 лет после падения коммунизма. И она претендует на объективный жанр справочника! Впрочем, исключение сделано лишь для одного чекиста-перебежчика – Орлова А. М. (настоящая фамилия – Фельдбин Л. Л.), видимо, потому, что он не выдал советскую загранагентуру. А вот Агабекова, Беседовского, Вальтера Кривицкого и многих-многих других в данном справочнике вы не найдете. То же касается и современных агентов. В справочнике «Внешняя разведка России» есть, например, Крючков и Примаков, но нет ни О. Гордиевского, ни О. Калугина. И совершенно необъяснимо отсутствие В. Путина – разве его кегебешное прошлое является для кого-нибудь секретом?

Общим недостатком обоих справочников является то, что в них совершенно не разъясняются некоторые специфические термины. Например, как (выше) с Каминским: «разработка лидера ОУН». Для непосвященных непонятны и такие слова из чекистского жаргона, как «*наводчик, установщик и групповод*» (В. Абрамов, С.161), «*оператор*» (Колпакиди и Прохоров, С.164).

Книгу О. Копчинского «Госбезопасность изнутри: национальный и социальный состав» тоже можно отнести к разряду справочников. Однако это справочник особый: на основании архивных данных автор подсчитывает процент русских и не-русских в ЧК. Процент выходцев из рабочих, крестьян, интеллигенции... Это серьезная и основательная работа. Правда, содержание книги уже ее названия: речь идет исключительно о периоде 1918-1922 гг. Зато здесь по годам скрупулезно расписано, как менялся национальный состав и верхушки чекистского аппарата – и среднего звена, и низшего персонала. Впервые публикуется жалоба чекистов-латышей на Дзержинского, адресованная Ленину. Обложка книги может ввести в заблуждение: написано название серии «ЛУБЯНКА – открытые архивы». На самом деле О. Копчинского в лубянские архивы не пустили: он пользовался материалами других, более доступных, архивов.

Егор РАДОВ

ЖАЖДА СВЕТА

Алексей Макушинский. Свет за деревьями. Спб., «АЛЕТЕЙЯ», 2007

Русский верлибр, несмотря на всё его, почти официальное, неприятие, тем не менее существует. Было даже (может, есть и сейчас) некое «общество верлибристов», однажды оно выпустило огромный увесистый том своих виршей. Однако их совершенно справедливо критиковали за то, что они чисто механически переложили западный свободный стих на русский язык, а русской поэзии, мол, это совершенно чуждо. Это действительно было чуждо, при этом, правда, никто не вспоминал о собственно «русском верлибре», достаточно самобытном и своеобразном. Это — не совсем верлибр, иногда он сбивается на белый стих, иногда даже имеет рифму, но всегда — некий внутренний ритм. Таким стихом писали футуристы — Хлебников, Елена Гуро, Алексей Кручёных, Игорь Терентьев, и обэриуты — прежде всего, А. Введенский.

Традиция, как выяснилось, не прервалась. Недавно издательство «Алетейя» выпустило сборник стихов Алексея Макушинского «Свет за деревьями». Однако верлибр А. Макушинского близок к перечисленным лишь повсюду присущему внутреннему, достаточно очевидному, ритму. По форме он скорее близок к стихам Геннадия Айги, да и по настроению, в общем, тоже.

Это — такое состояние созерцания, некой «остановки мира», когда спокойно, никуда не торопясь, можно рассмотреть каждую деталь, обдумать её и разные ассоциации, ею рождаемые.

Надо сказать, что при некоторой схожести с Г. Айги, А. Макушинский выгодно от него отличается тем, что русский язык для него — родной, а для Айги — нет (он — чуваш), что у Айги порой чувствуется. Макушинский же, в отличие от него, не допускает очевидных сбоев, он слышит все возможные оттенки русского слова.

Хотя надо признать, что Г. Айги был раньше.

«Свет за деревьями» — название кажется банальным, но только на первый взгляд. Если вдуматься, можно представить, что деревья, как и прочий мир, застилают взгляд на свет, который есть где-то там, за ними. И этот мир, который прекрасен каждой своей деталью, в принципе прекрасен только как отражение этого света за ним. И в нём, в этом свете, отражается всё чудесное нашего мира, без него ничего бы не было — существовала бы сплошная ровная, не разделяемая на предметы и существа, однородная тьма.

Об этом и пишет сам автор в программном стихотворении, в конце:

...любить
так просто, и листья в лужах, и станции, и слова,
и свет, и свет, конечно же свет за деревьями.

А. Макушинский буквально возделает этот свет, рождающий наш, такой многообразный, мир. В нашем мире этот свет «за деревьями» существует, он очевиден, и мы все устремлены к свету, так или иначе.

Что ещё, несомненно, удаётся автору — это так называемые «концы», «финалы», последние строчки стихов. Стихотворение может быть посвящено чему-то совершенно конкретному, описывать всякие реалии, а потом, в самом конце, буквально взрывается какой-то «общей», не имеющей прямого отношения к описанному, фразой, типа «Так не хочется умирать», или «... девочка через площадь бежит вприпрыжку навстречу всей своей жизни».

Это, собственно, и делает эти созерцательные, грустные, «свободные» строки искусством. Автор как будто гипнотизирует читателя медитативным описанием того или другого, а потом вдруг — раз! Слово удар палкой дзэнского патриарха по лбу любопытствующего.

А. Макушинский не даёт забыть, что как бы ни были красивы деревья, их узоры и весь этот мир, главное — это то, что за ними, — свет.